

ЕЛЬ ФРЕМ

Сердце
Белой
горы

ЁЛЬ ФРЕМ

Сердце
Белой
горы

TREND
BOOKS

СЛОВАРЬ

Белая гора — главный символ страны, место, с которого начинается история.

Гарда — прочная металлическая пластина, расположенная между клинком и рукоятью катаны — японского меча.

Гучжэн — традиционный китайский щипковый музыкальный инструмент, разновидность многострунной цитры.

Гыстан — соседняя страна на западе от Хансана.

Люань — соседняя страна на востоке от Хансана.

Менгир — древний мегалит, представляющий собой вертикально вкопанную каменную глыбу.

Намдонсен — младший брат.

Османтус — род вечнозеленых кустарников и небольших деревьев из семейства маслиновых (близкий родственник оливы и сирени), цветущих крошечными ароматными цветами.

Пинъань — столица Люаня.

Танто — короткий японский клинок.

Топхо — традиционный мужской верхний халат (пальто) в корейском национальном костюме.

Ханбок — традиционная корейская одежда, состоящая из блузы и широких штанов.

Хансан (от корейск. Хан — «великий» и Сан — «гора») — название страны, в которой происходят события.

Чогори — элемент ханбока, короткая блуза.

Эфес — комплекс деталей, за которые удерживают японский меч.

ПРОЛОГ

КОНИ РЕТИВО БИЛИ копытами землю. От их взмыленных боков, мерно покачивающихся в вечернем маре раннего лета, исходил полупрозрачный пар. Секдоки остановили лошадей лишь на мгновение, чтобы по звездам сверить направление.

Лес сгустился с каждым шагом, становясь живым лабиринтом из искривленных корней и колючих зарослей. Воздух, густой и влажный, пах сыростью гниющих пней и чем-то еще — терпким, древним, похожим на дыхание самой земли. Ветви, сплетенные в плотный полог, едва пропускали отблески лунного света, превращая тропу в подобие черного тоннеля. Где-то между деревьев, совсем близко, что-то хрустнуло — слишком громко для зверя, — и по спинам всадников пробежала холодная дрожь. Глаза, невидимые во тьме, следили за ними из чащобы, и шепот, едва отличимый от шелеста листьев, порой обрывался, словно его обрезали чьей-то незримой рукой.

— Господин, вы уверены, что мы движемся в верном направлении? — Баритон Сон Дана раздался слева, и Тэён повернулся к нему. Почти налившаяся луна отбросила на лицо спутника тень от плотного глубокого капюшона.

— Уверен. От дуба висельников на север по Полярной звезде, — наизусть повторил Тэён наставление старухи, которая несколько дней назад за пару золотых подсказала, где найти... колдуна. Молодого всадника, облачение которого скрывало не только внешность и

стать, но и статус. От мысли об этом бросило в жар — не от страха, скорее из-за осознания, что ситуация на арене власть имущих обострилась настолько, что приходилось действовать чужими руками. И силами. — Или ты, Дан, боишься? Разве не с тобой мы еще в десять лет в этот лес убежали?

— Я и тогда был против. Посмотрите, прошло пятнадцать лет, а ничего не изменилось, — проворчал Дан, но прищипорил коня вслед за двинувшимся вглубь леса жеребцом Тэёна. Удобнее поправил катану на поясе, готовый в любую секунду отразить удар от своего повелителя.

Спина Тэёна впереди была поразительно прямой — не только из-за военной выправки, полученной за годы обучения управлению, политике и военному делу, но и от напряжения. Лес сгущался, кроны сходились друг с другом: луне все тяжелее было пробираться через густую листву. Но мужчина знал, что шел в нужном направлении. Как? Неизвестно, но почему-то амулет — Тэён носил его с десяти лет, не снимая, — тепло грел грудь, на которой лежал, под слоями одежды.

Всадники ехали в тишине, прерываемой воем хищников, вышедших на охоту, криками потревоженных птиц и, кто знает, может, голосами волшебных существ, коих, по преданию, в лесу водилось много. К одному из них всадники и направлялись. Тэён помнил, как пятнадцать лет назад они с Даном — его слугой и приближенным, с которым он уехал из родного города еще ребенком, — точно так же шли по лесу. Конечно, тогда был день, пусть и туманный, и никто из них не собирался устраивать дворцовый переворот, но антураж остался тем же.

Даже усилился — в какой-то момент Тэён начал яснее видеть меж стволами светлое пятно. С каждым ме-

тром оно проступало все четче, и вскоре стало видно, что это окно, через которое свет от огня разливался по лесу, и дым от печи, который магическим образом таял в воздухе, не выдавая местоположения. Значит, деревенские слухи не врал — здесь действительно жил колдун.

— Ты готов? — Тэён остановился на краю леса, глядя на Дана. Тот скинул капюшон, кивнул и чуть нахмурился. — Спрячь оружие, мы пришли с просьбой, а не с угрозами.

Молодой господин спешил, оставив коня у точно для них приготовленной коновязи. То же самое сделал и Дан, но держался позади, когда Тэён подошел к двери и несколько раз постучал.

— Хозяин, открой. Мы пришли с миром. Нам нужна твоя помощь.

* * *

Соль знала, что Тэён придет. Она видела это во снах. Так предсказали руны, так говорили карты, так нашептал огонь, так, в своей паутине жизней, решили боги. То была судьба. Не ее, не Соль. Чужая. Но она оказалась с ней переплетена — по желанию аль без одного.

К прибытию наследника все было готово. Дом на-топлен, духи леса предупреждены, в конце концов, ведьма готовилась встретить того, кого не видела пятнадцать лет. И у Соль, невольно вплетенной в эту историю, имелись свои планы. Она знала, что ее спокойная жизнь в лесу закончилась. Она ждала.

— Наму, я ведь просила тебя пропустить к моему дому лишь одного.

Гости обернулись, застигнутые врасплох. Тэён и Дан, услышав голос за спиной, потянулись к ору-

жию — первая мысль была о засаде. Но почему же тогда так спокойно билось сердце мужчины, обычно за метры и за минуты ощущавшего опасность?

Соль вышла из темного леса. Ее лицо скрывал капюшон черной мантии, под ней же пряталась совершенно простая одежда, то ли из льна, то ли из крапивы. Она даже не обратила внимание на стоящих перед дверью дома людей. Соль подарила его уставшим лошадям. Разложила перед ними сено, поставила два ведра с водой и каждой протянула по морковке.

— Хм, — раздалось с ветки раскидистого дуба над ее головой.

На ней сидел вовсе не человек, но нечто похожее. Фарфоровая кожа выделялась на фоне безлунной ночи, глаза светились как две звезды, иссиня-черные волосы напоминали воронье оперение. Существо в упор смотрело на незваных гостей, корни дерева вылезли из-под земли и устремились к ногам одного из них.

— Прикажешь его убить?

Соль развернулась к гостям. Она помнила обоих. Ох и шума они тогда навели в ее владениях. Но тогда еще не настал их час. Время пришло лишь сейчас. Опасным было лишь то, что эта судьба предназначалась лишь одному из них; что же до второго... его роль Соль пока что не понимала. Но, вероятно, и она была значимой.

— Нет, оставь.

Ведьма подошла ближе, совершенно не испытывая страха. Она видела, как дернулись чужие руки, желавшие схватиться за оружие, и одновременно с этим дернулись уголки ее губ. Глупцы. Соль сняла капюшон лишь тогда, когда оказалась перед темноволосым, перед наследником.

— Я ждала тебя, Тээн. Оставь за порогом моего дома друга и свое оружие. Коль осмелишься — заходи.

И, блеснув глазами, скрылась за дверью, из-за которой повеяло теплом домашнего очага и запахами сушеных трав.

— Дан, останься. — Логичное и ожидаемое «но» Тэён прервал взмахом ладони. За себя он не переживал: легко снял с пояса ножны и отдал слуге. Больше он тревожился именно за Дана, который оставался на улице наедине с молчаливым, но явно более агрессивно настроенным существом. Тэён положил ладонь на плечо друга и мягко похлопал. — Ты не тронешь, и тебя не тронут, помнишь? Я быстро.

В доме Соль уже находилась без мантии. Теперь ее одежду можно было рассмотреть лучше. Она не была похожа на традиционные наряды Хансана. Широкие светлые штаны, без единого пятна грязи, что до этого были заправлены в высокие сапоги, а теперь висели свободно, скрывая босые стопы. Рубаха подпоясана лентой все из той же ткани, а по подолу аккуратными стежками стелились рисунки, понятные одной лишь ведьме. Оставалось только гадать, шила ли Соль себе одежду сама или брала ее где-то. Но было заметно, что она точно сама ухаживала за ней.

Ведьма зажигала свечи, что стояли на большом дубовом столе, когда услышала скрип половиц. Бросила на вошедшего мужчину оценивающий, но словно понимающий взгляд. На лице Соль играли тени от языков пламени, и это делало ее похожей не то на существо, что осталось на улице следить за Даном, не то на богиню, не то на лесного монстра. Хитрая улыбка скорее наводила на мысли о последнем.

Ведьма пригласила гостя за стол, поставила перед ним кружку с дымящимся напитком и села напротив, готовая слушать историю, которая, однако, была ей неинтересна. Она никогда не любила людей. Жадных до власти и денег, мечтающих обладать всем на све-

те. Соль с удовольствием прожила бы всю свою оставшуюся жизнь в лесу. Но знала, что ее судьба и судьба этого человека переплетались, словно крепкая паутина, сотканная пауком судьбы. Она должна была ему помочь. При этом преследовала свои собственные интересы. Ведь жажда мести и искупления тлела где-то внутри вместе с душой.

— Здравствуй. — Тэён немного помедлил, словно не знал, как начать разговор. Его предупреждали, что если колдун пожелает, то сам назовет имя, но и свое произносить не оказалось нужды. Юноша глубже вдохнул запах прелых трав, сжимая в руках чашу с душистым напитком, на которую смотрел с подозрением: как бы ни была спокойна интуиция, сознание все еще твердило о возможной засаде. — Ты уже знаешь мое имя... Что ж, я Кан Тэён, младший наследник семьи Кан, которая не одно десятилетие правит Хансаном. И меня хотят убить.

На ведьму эти слова произвели мало эффекта. Она смотрела так, будто ждала продолжения истории, будто такие мелочи, как страхи или намерения других людей, ее не интересовали.

— Мой отец... Семнадцать лет назад Кан Гоньль серьезно заболел. Он образовал из приближенной знати управляющий орган, который помогал ему, пока недуг подтачивал его силы. А после Совет должен был помогать его сыновьям на престоле. Но в столице отец оставил лишь троих старших сыновей — меня же, младшего и рожденного от второй жены, выслал в деревню у этого леса. Никто не знал, зачем и почему. Семь лет назад отец умер, но власть не перешла никому из моих братьев. Совет министров держал все в своих цепких лапах. — Тэён нахмурил брови, когда неожиданно напиток в его руках начал призывно теплеть. Он манил прикоснуться губами, но мужчина держался. —

Недавно мне исполнилось двадцать пять, я достиг возраста для вступления на престол. Я думал, что Совет министров ждет этого момента для передачи полномочий, но узнал, что моих братьев убили. А доверенные люди из дворца говорят, что и на меня готовится покушение. Совет желает отобрать то, что по праву и по крови принадлежит мне, лишь из жажды власти. Мне нужна... твоя помощь, помощь магии, чтобы вернуть титул и земли. Я готов на все, только назови цену.

— Так уж на все? — спустя некоторое время задала вопрос ведьма, и если сначала ее взгляд был хитрым, то выражение лица в секунду сменилось на хмурое и требовательное. — Пей.

Голос прозвучал твердо, не терпящим возражений тоном.

Однако стоило лишь Тэёну сделать несколько глотков, Соль выхватила у него кружку и вылила содержимое в большую деревянную чашу. Из камина она взяла горсть золы и высыпала туда же, что-то забормотав себе под нос. Из льняного мешка зачерпнула сушеные цветки маттиолы, из кувшина долила молока, а затем достала из-под одежды длинную иглу, протягивая наследнику ладонь, ожидая и от него вклада. Магия предсказания требовала крови.

Соль заметила колебание, но в этот раз не улыбалась. Чужая медлительность раздражала. Потому, едва он шелохнулся, сама схватила его ладонь и уколола указательный палец, позволяя каплям упасть на молочною поверхность жидкости.

Кровь рисовала узоры, расплзаясь от цветка к цветку. Соль рассматривала их внимательно, хмуясь. А после подняла проницательный взгляд на Тэёна.

— Смерть стоит за твоей спиной. И я твое единственное спасение.

Ведьма задумалась, вновь обратившись к узорам.

— Через два дня они приедут. Решать государственные дела. И попытаются тебя убить. Они привезут вино. Не пей его.

Соль поднялась с места очень резко и быстро, ушла в другую комнату своего небольшого домика. Она возилась там достаточно долго, но вскоре появилась с тонким браслетом. Аккуратные черные камни плотно сидели на красной шерстяной нити. Ведьма повязала браслет на левое запястье наследника.

— Не снимай его. Он предупредит тебя о ядах в еде, напитках, одежде или оружии. Стоит тебе коснуться чего-то и почувствовать жжение, знай — оно отравлено.

Соль вновь села за стол, согнула одну ногу, поставила босую стопу на стул и уперлась подбородком в колено.

— Ты сказал назвать мне цену.

Ее взгляд вновь светился. Он был не то опасным, не то хитрым, не то знающим все законы этого мира.

— Моя цена — ты. Коли согласен, мой дом — твой дом. Али нет — выйдешь за дверь и, если повезет, пройдешь через лес и останешься живым. Но смерть все равно тебя догонит. Она уже наточила косу.

Тээн чувствовал, как по коже бежали мурашки, пока ведьма, умевшая, как оказалось, и обольстительно улыбаться, и приказывать глазами, называла цену за свои услуги. Он? Тээн? Что это вообще могло значить? Тээн, которого всю жизнь учили политике и дипломатии, привыкший добиваться для себя выгодных условий или, по крайней мере, точно знать положения сделок, однако понимал, что текущая ситуация не предполагала торга. Ведьма говорила об этом одним своим взглядом.

— Я... я согласен. Мой дом тоже для тебя открыт в любое время. — Тээн поднялся с места, кланяясь ведьме. — Спасибо за помощь.

Наследник вышел из чужого дома, сопровождаемый хитрой улыбкой хозяйки. Уже на улице, где оставил Дана и коней, он словно выплыл из марева транса, яснее осознавая ситуацию. И правда, он только что заключил сделку с настоящей ведьмой.

Тэён нашел Сона перетягивающим подпруги седла. Слуга усиленно изображал, что не замечает смотрящего в его спину существа, которое, казалось, даже не сдвинулось со своего места на дубе. Тэён заметил, как Дан вздрогнул, когда он подошел к нему, и кивнул.

— Все хорошо. Можем ехать.

Когда всадники наконец двинулись в обратный путь, тропа уже казалась менее враждебной, а тени — не такими густыми. Лес отпускал их и позволял им уйти.

Обернувшись в последний раз, Тэён увидел ее.

Ведьма стояла на крыльце своего домика, прислонившись к косяку двери, и пристально смотрела вперед. В ее руках была та самая деревянная чаша, и она неспешно отпивала из нее, провожая путников задумчивым, тяжелым взглядом. Губы шевелились, напевая что-то мелодичное на давно забытом людьми языке — то ли заклинание, то ли колыбельную, то ли погребальную песнь.

И в этот миг тучи расступились, и яркая, почти неестественно большая луна выплыла из-за вершин, окутав ведьму и всадников серебристым сиянием. Она освещала свое дитя — дитя ночи и магии — и того, чью судьбу знала наперед, и в ее холодном свете сделка, только что заключенная в теплом доме, обрела вес неотвратимости.

Тихая песнь Соль, чаша с кровью Тэёна в ее руках и лунный свет — все это было не прощанием, а началом. Их история, сплетенная из крови, долга и темного договора, наконец-то началась.

ГЛАВА 1

— НЕ СМОТРИ ТАК на меня. — Соль расчесывала гриву своей чалой кобылы, ощущая на спине тяжелый взгляд лесной нимфы. Наму осуждала ее за решение покинуть лес. Это место было их домом, их оплотом безопасности. И она не понимала ведьму. А та не могла игнорировать зов магии и наказ матери.

Ветер путался в кронах деревьев, спускался по стволам и шептал об угрозе чужой жизни. Соль и Тэён заключили сделку. А значит, она теперь отвечала за эту жизнь.

— Я вернусь, как только смогу. Присмотри за лесом, нимфа.

Уловив едва заметный кивок волшебного существа, ведьма поправила мантию и вскочила в седло с одного легкого прыжка. Лошадь поприветствовала хозяйку на своей спине довольным ржанием и не успокоилась, пока та не погладила ее по серой шее.

— Вперед, Ним.

Соль не нужно было приказывать, не нужно было гнать кнутом. Ведьма относилась к животному с уважением. И лошадь отвечала тем же, отправившись рысью через густой лес.

Над головой кричали вороны, нагоняя тревогу, которую ведьма не понимала. Ведь юный наследник как-то смог дожить до своего возраста без ее помощи. Но почему-то теперь, когда она знала его судьбу наперед, когда знала, какие свершения ждали Тэёна в будущем, позволить ему умереть было бы глупо. В конце

концов, и сама Соль имела свои интересы в помощи этому человеку.

Дорога до деревни через густой лес у подножия Белой горы заняла около часа. Соль остановилась лишь раз у ручья, позволив кобыле напиться воды. И отправилась дальше. Ним ворвалась в деревянные ворота процветающей деревни. Ведьма спешила лишь у ступеней главного дома. И потребовала представить ее наследнику.

Как и обещала Соль, посольство из столицы прибыло. Тэён устроил небольшой пир, на котором собралась местная знать. Столы не ломились от еды, но были накрыты вполне прилично, соответствуя статусу гостей. Представители от Совета занимали главные места, напротив наследника, в то время как их охрана и сопровождающие сидели в отдалении.

Воздух в зале был густым и теплым, пахнущим воском старых балок и терпкой смесью дыма и сушеной полыни. Свет от массивных медных жаровен, расставленных по углам, не столько освещал пространство, сколько выхватывал, словно золотым факелом, из полумрака детали: грань медного кувшина, лощеную поверхность статуэток из темного дуба, влажный блеск вареного риса в глиняной чаше.

Столы, низкие и массивные, были сбиты из цельных плах, отполированных временем и прикосновениями рук до бархатной глади. На них, вразрез деревенской простоте, стояла медная посуда — тяжелые блюда, кубки и кружки. Каждый предмет был чеканным и блестящим, поэтому вино разливалось со звоном колокольчика — чистым, высоким звуком, врезающимся в гул голосов.

Зал гудел. Тэён восседал на почетном месте, облаченный в скромные, но качественные одежды, не скрывавшие его истинный статус ни от посторонних